

БИБЛИОТЕКА

№ 27

1964

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ЛЮБОВЬ НЕМОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 27

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ЛЮБОВЬ НЕМОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1964

Евг ДОЛМАТОВСКИЙ

Евгений Долматовский впервые выступил в литературе в тридцатых годах. Работал в комсомольской печати, был одним из строителей метро, побывал на Дальнем Востоке, участвовал в освободительных походах Красной Армии и в Великой Отечественной войне.

Перу поэта принадлежат многие книги стихов, роман в стихах «Добровольцы», по которому поставлен кинофильм, а также ряд широко известных песен («Любимый город», «Песня о Днепре», «Сормовская лирическая», «Ленинские горы», «Если бы парни всей земли», «Родина слышит», «Венок Дуная» и другие).

Участвуя в движении сторонников мира, побывал во многих странах Европы и Африки. Выступает в печати также как очеркист и публицист.

Евгений Долматовский

ЛЮБОВЬ НЕМОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Редактор **П. КРАВЧЕНКО**

А 00702. Подписано к печати 24/VI 1964 г. Тираж 101 000. Изд. № 1187.

Зак. 1505. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. 0,5 бум. л.—1,37 печ. л. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ФЛАМИНГО

У охотника вышла заминка:
Не стрелял — и легко на душе.
Прикаспийская птица фламинго,
А не гуси вон в том камыше.

Представлял я фламинго красивей!
С розоватым оттенком перо
Оказалось пожухлым и сивым,
А быть может, и просто серо́.

Потревожена шумом опасным,
Стая плавно взлетела.
И вдруг
В небе сделалась облаком красным,
Совершающим медленный круг.

Нет, в науке чудес не открыл я.
Вот взлетим по тревоге —
И враз
Ярко-красными станут подкрылья,
Словно зори, под сердцем у нас.

Ты прости откровение это,
Иронический взгляд затаи
И считай, что я серого цвета,
Если сложены крылья мои.

КОЛЮЧИЕ

Всегда в порядке, добрые,
Приятные, удобные,
Они со всеми ладят
И жизнь вдоль шерсти гладят.

Их заповедь — смирение,
Их речи — повторение.
Сияние улыбок,
Признание ошибок...

А я люблю неистовых,
Непримиримых, искренних,
Упрямых, невезучих,
Из племени колючих.
Их мучают сомнения
И собственные мнения,
Но сердце их в ответе
За все, что есть на свете.

Не берегут колючие
Свое благополучие,
И сами лезут в схватку,
И режут правду-матку.
А если ошибаются,
Больнее ушибаются,
Чем тот, кто был корыстен
В опроверженье истин.

Не у природы ль учатся
Они своей колючести?
Ведь там, где нежность скрыта,
Есть из шипов защита.

ОКТЯБРИНЫ

Сергеями,
 Андреями,
 Иванами,
Иринами,
 Маринами,
 Татьянами
Теперь детей стараются назвать.
А было время — именами странными
Одаривали их отец и мать.
Вот стали взрослыми,
А то и старыми

Энергия,
Ванцетти,
Володар,
И Военмор — во славу Красной Армии,
И Трудомир — в честь мира и труда.
Родв́арком окрещен рожденный в Арктике..
Поняв, что этот век неповторим,
Старались и краскомы и рабфаковки
Его вручить наследникам своим,
И в новых именах бессмертье видели.
Их увлечение не было игрой.
Не надо обижаться на родителей,
Перемудривших раннею порой.

Сложились судьбы тех детей по-разному,
Но имя тоже освещало путь.
Гори, когда Энергией ты названа,
А Володар — как Володарский, будь!
Вы, названные Нинами,
Маринами,
Андреями, Петрами
в наши дни,
Не тяготитесь отчествами длинными,
Что утверждались в жизни Октябринами:
Свою эпоху славили они.

ЛЮБОВЬ НЕМОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Любовь немолодых людей —
Опасная материя:
Жара — душней, мороз — лютей,
И столько лет потеряно.

Две жизни, прожитые врозь,
Трудны для общей участи.
И охраняют ягод гроздь
Шипы во всей колючести.

А может, просто зачеркнуть
Единым махом прошлое?
Но все ж проступит прежний путь
Негаданно, непрошено,

Проступит жилкою на лбу,
Блеснет глазами узкими.
Придется испытать судьбу
Таковыми перегрузками!

Есть утешение в другом:
В друзьях, впервые встреченных,
В открытиях, сделанных вдвоем,
В обидах незамеченных.

Любовь немолодых людей
Не пристань, а отплытие,
Не достоянье, а удел,
Не случай, а событие.

А юность, в первый раз любя,
Других судеб не ведает
И только самое себя,
Как веру, исповедует.

Но я, желая ей добра,
Знакомлю с перспективою:
В любви есть взрослая пора —
Суровая, счастливая...

* * *

Всю жизнь я легкомысленным слышу.
Неисцелим недуг такого рода.
Таким я падал в черную траву,
Шел через реку в грохот ледохода,
Таким рискну остаться навсегда,
Не взвешивая проторей и выгод.
Когда пожаром полыхнет беда,
Не побегу искать запасный выход.
Теперь уже нет-нет и промелькнет
Кривая мысль в раздумчивых беседах,
Что зря Матросов лег на пулемет,
Ведь все равно потом пришла победа.
Как поступить?
Сказать иль промолчать,
Подставить лоб иль наносить удары,
Пока молчит центральная печать
И глухо шебуршатся кулуары?

Быстрей кибернетических машин
Простой ответ срабатывает совесть,
Мы с ней в одно мгновение все решим,
О флангах и тылах не беспокоясь.
Я, может, в полководцы не гожусь,
Есть боевые должности и кроме!
Но на переднем крае продержжусь
Я ровно столько, сколько хватит крови.

ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР

1

Не знавший, к счастью, той печали,
Что с юности во мне жила,
Ты говоришь:
— Вы долго лгали
И душу подлостью сжигали,—
Добро, что не сожгли дотла.
Чугунных памятников бремя
Повержено и сметено,
И, значит, наступило время
Прибавить к сложной теореме
Недостающее звено.
И объявить, что наконец-то
Мы правду говорить начнем.—
Но разве лгать умеет детство?
И мы не сберегли наследство —
«Авроры» перекатный гром?
Нет! Жили верой на пределе
Те окровавленные дни.
А маршалы, что на расстреле
Убийце славословье пели,—
Ужели лгали и они?
Таких трагедий свет не ведал,
От них не спрячешься в тиши.
Но все хождение по бедам
Не зачеркнуло путь к победам
И чистой не сожгло души.
Все было тяжело и сложно.
А помнишь общий клич в бою?
Ты и его считаешь ложью?
Все зачеркнув, на бездорожье
Ты обрекаешь жизнь свою.

Не верьте, юные, не верьте,
 Что знамя рухнуло тогда,
 Что только палачи и жертвы
 Существовали в те года.
 Вперед несли мы наше знамя
 И, видя черные дела,
 Твердили горько: — Он не знает..
 Наивна молодость была!

Каменотесы, верхолазы,
 Романтики бетонных проб,
 Чистосердечны, ясноглазы,
 Буран глотали мы вздохом.
 Нам было дьявольски непросто
 Жить, созидая и любя,—
 Свое позорное сиротство
 Скрывали от самих себя.

Измерив будущее мерой
 Всей невозвратности потерь,
 Коль мы не потеряли веры,—
 Как верить вы должны теперь!

* * *

Подозрения откинем,
 И сомнения не в счет.
 Только нашим героиням
 В личной жизни не везет.

Иль не женская дорога
 Привела к судьбе такой,
 Или судят слишком строго
 Грешный род они мужской.

Не один хороший парень,
 Простодушен, неуклюж,
 Грустной ложью был ошпарен:
 — Дома ждет веселый муж.

А не ждал никто на свете,
 Только плюшевый щеночек.

Неродившиеся дети
Знают, как он одинок.

Нелегко им, героиням:
Мрамор чуть холодноват.
В бронзовой прическе — иней,
И при этом — юный взгляд.

Пропустив весну свиданий,
Неожиданной зимой
Как с торжественных собраний
Им одним шагать домой?

Но не жди унылых жалоб:
Всей судьбою славя жизнь,
За сочувствие, пожалуй,
Так отбреют, что держись!

...Школьницей, горевшей в танках,
Я любовь не повстречал
И не смею рыться в тайнах
Непростых твоих начал.

Может, стал я главной частью
Невезенья твоего —
Трудно быть мечтой о счастье
С поседевшей головой.

Но люблю смотреть украдкой
Сквозь ночные мрак и тишь,
Как над Олиной кроватью
Ты, задумавшись, стоишь.

Время грозно. Небо звездно,
Наступил наш звездный час.
Есть присловье: лучше поздно...
Это, кажется, про нас

ОПЫТ

Есть у меня большое преимущество
Пред тем, кто молод только по годам.
Оно мое отличие и могущество,
Его в обмен на юность не отдам.

Не упущу возможность для сравнения:
Будь шепоток иль слишком громкий стих,—
Что — новое, а что — лишь повторение
Ошибок и случайностей былых.

А встретившись со взрослою девчонкою,
Могу, смутив красавицу слегка,
Рассказывать, как я менял пеленки ей,
А если плакала, давал шлепка.

Но это в шутку. Вещи есть серьезнее:
Угадывая гада по лицу,
Я не приму раскаяния позднего,
Чтоб не спалось до смерти подлецу!

А с чувствами хорошими и добрыми
Мне с полувзгляда ясен человек.
Ведь нашими похрустывая ребрами,
Нас брал в объятия двадцатый век.

А все-таки мы не пропали пропадом!
Завидовать потомки будут мне:
Упрямы с горьким и жестоким опытом
У беспристрастной вечности в цене.

* * *

Жизни срок и велик и мал.
Легкость вдруг превратится в тяжесть.
То, что в юности не сказал,
Повзрослевший, уже не скажешь.

Кто боялся морских глубин,
Только лужи тому достались.
Если в юности не любил,
Не сердись на тоску под старость.

Если в собственном мраке жил,
Не дождешься чужого света.
Если в юности не дружил,
На седую вражду не сетуй!

* * *

Нет минуты, когда б не стреляли
На планете Земля.
Нет секунды, когда б не пылали
Города и поля.
Словно в доброй земной оболочке
Скрыты тайны войны
И все время в какой-нибудь точке
Прорываться должны.
Тридцать лет я стою в карауле,
На пороге огня.
Все ракеты, все мины, все пули
Снова ранят меня.
Снова смерть над землей прожужжала,
Снова метят в зарю.
Потому я так редко и мало
О любви говорю.

КОММУНИСТ УЕЗЖАЕТ НА РОДИНУ

Краток был визит в Страну Советов.
Вновь аэродром.
Обратный путь.
До чего несправедливо это!
Дайте человеку отдохнуть!

— Ты бы съездил в санаторий, в Сочи!
Ты бы навсегда остался тут!
— Нет, я должен быть предельно точен,
Вновь явиться на неправый суд.

Не хочу, чтоб нас оклеветали:
Убежал. Теперь Москвой пригрет.
Дверь моей тюрьмы — она из стали —
Проржавела...
А вот сердце — нет.

На судилище молчать не буду:
Мы так редко получаем зал.
Коммунист использует трибуну,
Даже если это трибунал.

— Береги себя, товарищ милый,
Воин мира, уходящий в бой.
Знаю, у тебя довольно силы,
Но возьми еще мою с собой!

К самолету,
Маленький, великий,
Он идет, не слыша мой наказ
В тонких пальцах белая гвоздика,
С ней его товарищ шел на казнь,

Тот, кто с ним в одном застенке страждал,
Счет годам терял,
Но срок проверь
Тем, что в камере сменили дважды
Ржавчиною съеденную дверь.

Ветер четырех турбин неистов,
Стонет на березоньках листва.
Это не прощанье коммунистов,
Просто «До свидания, Москва!».

Остается только ждать развязки,
И ночей не спать,
И по утрам
Открывать газеты,
Как повязки
Отрывать от воспаленных ран.

ОБРЕЗ

Весь день в музее областном
Спят экспонаты пыльным сном,
Грохочет кованый засов,
И крылья детских голосов
Трепещут в куполах веков
И монастырских потолков.

Но спят раскопок образцы,
Шеломов ржавые зубцы,
Святого безразличный лик,
Соха, и мамонтовый клык,
И утварь северных князей.

...Обычный областной музей,
Где, не успев осмотр начать,
Начнет экскурсия скучать.

Вдруг ток волненья пробежит,
И гости смолкнут: здесь лежит
Не просто память о былом —
Обрез кулацкий под стеклом.

Я долго перед ним стою.
Он в юность целился мою.
И это был тридцатый год.
Так объяснил экскурсовод.

Не буду говорить тебе
Речей о классовой борьбе.
Ты просто знай, что было так,
Что метил и в тебя кулак,
И этот старенький металл
Не сразу экспонатом стал.

ТИХОЕ СЛОВО О ПАРТИИ

О партии немало громких слов
И мною сказано,
и не одним поэтом.
Что искренность основой всех основ
Была для нас — не сомневайтесь в этом.

Пусть нынче тихие слова мои
Всех предыдущих станут подтвержденьем.
Весенний вечер. Я в кругу семьи.
Домашний праздник. Скажем, день рожденья.

На таких собраниях мы с женой
Порою чувствуем себя, как дети,
Но шрамы, нанесенные войной,
Как стаж и взносы в каждом партбилете.

Здесь правит бабушка — глава стола,
Наш патриарх, наш матриарх законный,
Она еще подпольщицей была
И комиссаром в Первой конной.

А мама (на двоих теперь одна)
Из племени донбасских делегатов,
О том, что в жизни вынесла она,
У нас не говорят — таков порядок.

Безвременно погибшие отцы
Здесь, на правах партийных прикрепленных,
Как на постах застывшие бойцы,
Глядят на нас с портретов сохраненных.

Всех родичей своих не охватив —
Им в стих один никак не уместиться,—
Я описал семейный партактив.
Он мал, но все ж великого частица.

И можем мы грядущему в глаза
Смотреть всем домом — прямо, а не косо.
...О партии хотел я рассказать,
А вышло — что по личному вопросу.

* * *

О, только бы не стать мне себялюбцем,
Ревниво нянчащим свою судьбу.
Я жизнь вприкуску с сахаром из блюда
Не стану пить, боясь обжечь губу.
Пусть будет горьким, кислым и соленым
Напиток мой.
Но пью взахлеб, до дна.
Ртом перекошенным и опаленным
Я расскажу про наши времена.

Я ненавижу в зеркало глядеться,
Подмигивая, говорить с судьбой.
Мне б, как в озерных отраженьях детства,
Быть лишь таким, как есть,
Самим собой.
В глазах людей хочу я отразиться,
Они найдут, что я в себе искал.
Войдя в район передовых позиций,
На брустверы не вешают зеркал.

Я презираю ищущих покоя,
Достигших и постигших все и вся.
Жизнь — это состояние такое,
Когда летишь, крутясь и колеса.
Вы снова о солидности?
Оставьте!
Горжусь, когда поставивший рекорд
Уже опять волнуется на старте
Успеху своему наперекор.

БОРОДЫ

Чернеют бороды на юных лицах.
Владельцам их
Горячий остров снится.
Им невдомек,
Что юноши Гаваны
Все это видели как раз наоборот:
Полесские им снились партизаны,
Колочий иней на клочках бород.

* * *

Я не возьму тебя в кино —
Там честь солдата под угрозой:
Не плакавший давным-давно,
Я там порой глотаю слезы.

Но вовсе не на тех местах,
Где разлучаются навеки
Иль с тихим словом на устах
В последний раз смежают веки.

Сдержаться не могу тогда,
Когда встают в кинокартинах
Отстроенные города,
Которые я знал в руинах.
Иль при показе старых лент,
Когда мелькают полустанки
И монументы ранних лет —
Красноармейские кожанки
И пулеметные тачанки,
Объехавшие целый свет.

Беспечным девочкам смешно,
Как им понять, что это значит:
Документальное кино,
А человек глядит и плачет.

* * *

Года пятно отмыли с дезертира,
Который «отличился» в той войне:
Он, видите ль, стоял за дело мира
И выстоял от схватки в стороне.
Он свой народ оплакивал

на Каме:
«История! Гвардейцев урезонь:
Они такими были дураками.
Шли — за кого? — За Сталина — в огонь!
А я вот спрятался, я видел дальше
И не замешан во всеобщей фальши».
Истории этап тридцатилетний
В делах ее солдат не зачеркнуть.
Они сражались честно,
беззаветно,
Своею кровью обогрили путь.
Мы в жизни никого не обманули.
Коль обманулись,— это нам урок.
А тот, кто ныл и прятался от пули,
Неправомочен подводить итог.

* * *

Я слабости своей не выдам.
Ни жалкой ватностью шагов,
Ни голосом, ни внешним видом
Я не обрадую врагов.

Я знаю, как бы им хотелось
Разведать, где тонка броня,
Но робость, скромность, мягкотелость
При мне — и только для меня.

И точно так же невозможно
Узнать, насколько я силен.
Я в храм вступаю осторожно,
Чтоб не свернуть плечом колонн.

Так, бицепсов не выдавая,
В пальто закутавшись, боксер
На улице или в трамвае
В случайный не вступает спор.

Уж если драться — драться честно,
В открытую вступать в бои.
Друзья поддержат!
Им известны
И мощь и слабости мои.

ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА

Однажды старый винодел,
На виноградник выйдя,
В глаза девчонке поглядел
И в них судьбу увидел.

Влюбился в черные глаза...
Среди курчавых грядок
Колюча юная лоза,
А ягод сок так сладок!

Про них был создан целый миф
Общественностью грозной:
Царь Соломон и Суламифь —
Позор земли совхозной.

И усугублена вина
Тем, что — судите сами! —
Назвал особый сорт вина
Он «Черными глазами».

А это были времена —
Я помню их отлично, —
Когда инстанция одна
Названия и имена
Распределяла лично.

Разгневан тот, кто выбирал
И сам с пристрастьем странным
Давал бутылкам номера,
Как будто каторжанам.

Прошли года. Прошла гроза,
И миф в забвенье канул.
Разлейте «Черные глаза»
По рюмкам и стаканам!

Есть привкус горечи в вине,
Задумчивом и сладком.
Знать, строгий выговор на дне
Стал трудных лет осадком.

Но этой притчи суть в ином.
Добавлю послесловье:
Пусть будет вновь любовь — с вином
И пусть вино — с любовью.

* * *

Люблю я поздравлять счастливых,
Но редко счастлив сам бывал,
И это не душевный вывих,
Не то чтоб памяти провал,—
Мне просто слишком много надо,
Чтоб стать счастливым самому:
Нам счастье всех людей — награда
За путь, проложенный к нему.
Так вышло: все печали в мире,
Вплетаясь в наши быт и путь,
Своею тяжестью, как гири,
Стремятся плечи нам согнуть.
Нас брали штурмом и осадой,
Добрейшим прививали злость.
Ни злом, ни равнодушьем ядом
Нас отравить не удалось.
И если ты сумел однажды,
Спасая друга от беды,
Дать умиравшему от жажды
Последний свой стакан воды,
При свете скрой свое участие,
За честность не проси наград.
Дари щедрее людям счастье,
И сам ты станешь им богат.

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПОХОРОНЫ

Меня хоронят молодые люди:
Мол, отгремели ваши времена.
Сначала, как пирожные на блюде,
С ухмылкой выносят ордена.

А вот и гроб — неровно сбитый ящик,
Поскольку мой могильщик незнаком
С работой инструментов настоящих:
С фуганком, долотом и молотком.

В процессии народу маловато:
Коктейльщик, диких танцев мастера
И декадент, вопящий: «Я новатор!»
Ужель его я пестовал вчера?

Ваганьково. Пора копать могилу.
Порядком натрудил им плечи гроб.
Но где найти умение и силу,
Чтоб вырыть котлован или окоп?

И вынужден из гроба встать покойник
И провести короткий инструктаж,
Как метростроевец и подполковник,
Себе последний строю я блиндаж.

Нет, нет, я к вам в наставники не лезу,
Но, старых оптимистов хороня,
Сперва окопы рыть, ковать железо
Придется поучиться у меня.

Но циники советов не выносят,
Противно им умение мое.
Однако на поминки денег просят.
Не помянут — уйдет на прожитьё.

Я мальчикам, на старичков похожим,
Доверить погребенье не могу.
Покойник, грозно чертыхаясь, ожил.
Он у веков, а не у вас в долгу!

* * *

Известно мне до самой малой мелочи
Все о тебе, хоть встретились мы поздно.
По удивленным бровкам нашей девочки
Был мною детский облик твой воссоздан.

Мы не знакомили своих родителей,
Но, может быть, отцы в одной темнице
За час до гибели друг друга видели
И завещали нам соединиться.

В войну не пересек твоей дороги я,
Но память и сейчас бросает в трепет:
Вот в гипс тебя кладут хирурги строгие,
Как будто формы памятника лепят.

Я знаю все. Но лишь на час расстанемся,
Картина образуется иная.
Вдруг жизнь твоя — как тайна и как таинство
И о тебе я ничего не знаю.

По телефону я начну названивать,
И сколько б мы ни объяснялись — мало.
Любовь осталась вечным узнаванием,
Она для нас лишь самое начало.

МОИ ЗНАКОМЫЕ

У меня есть летчик знакомый.
И на мой телефонный звонок:
— Папа в космосе. Будет дома
Через час,— отвечает сынок,
Но не кончился поединок
С бытом.
— Мама где?
— Вот беда,
Рано утром ушла на рынок
И придет неизвестно когда.

БАЛЛАДА О ВТОРОМ

Две койки солдатские
В доме лесном.
Все тихо. Товарищи заняты сном.
На старте спокойствия нету —
В полет снаряжают ракету.

Их двое, а надо лететь одному,
Да только пока неизвестно — кому.
В редакциях есть два портрета,
И дремлет на старте ракета.

А утром в автобусе голубом
Они подъезжают к площадке вдвоем.
В небесную форму одеты,
Два равных стоят у ракеты.

Один остается у лифта. Другой
Друзьям салютует спокойной рукой.
И в празднике грома и света
Взмывает, взлетает ракета.

В зените один знаменитый герой,
И просто майором остался второй.
Его неизвестны приметы
До нового взлета ракеты.

Так вот кто тогда
Оставался вторым!
И третий летит, и четвертый за ним.
Вновь двое встают на рассвете,
Один улетает в ракете.

А кто не мечтает: в сибирском краю
Вторым у ракеты в скафандре стою.
А может быть, первым,
А может быть, сотым,
Готовый к межзвездным полетам.

* * *

Твоя святая красота
Не всем открыта и понятна:
То грусть опустит угол рта,
То на щеке проступят пятна.

То память горькая твоя
Вспоминаньем брови морщит.
Все знаю я, все вижу я
Вдвоем с тобой,
Как заговорщик.

И втайне горд и втайне рад,
Что, к непростой судьбе причастный,
Лишь я один
Читаю взгляд,
Для окружающих опасный.

И только фронт — мой вечный тыл,
И мало нам семьи и дома,
Теперь тебе прическу взбил
Горячий ветер космодрома.

Устав от лжи и от прикрас,
Тая под безразличьем зависть,
Косятся издали на нас
Владельцы писанных красавиц.

* * *

Наверно, это очень странно,
Таинственно —
на самом деле:
Поэты, умершие рано,
Про смерть свою сказать успели.

Но у живых поэтов тоже,
И чаще в ранней, первой книге,
Такие, что мороз по коже,
Есть строки о последнем миге,

* * *

В суровой глубине любимых глаз
Порой гнездятся птицы недоверья.
Да, да, тебя обманывал не раз
И в том признаться вынужден теперь я.

Когда сжималось сердце от обид,
Вонзенных острием несправедливым,
Я пытку принимал и делал вид,
Что чувствую себя таким счастливым!

Когда в душе не оставалось сил
И мучили заросшие осколки,
Улыбку натянув, я говорил:
— Все хорошо. И не болит нисколько.

Примеров все равно не приведу,
Чтоб лишний раз не волновать и ныне,
Как от тебя отваживал беду
И честно врал, что нет ее в помине.

Бывало, ошалев от неудач,
Я приходил к тебе и долго хвастал
Своим успехом. Только ты не плачь,
Не то придется плакать слишком часто.

Я голодал, но утверждал, что сыт,
В бессоннице был неподвижной спящих.
Теперь ты знаешь все. Обман открыт.
Кто верно любит, тот такой обманщик.

* * *

С новыми дружбами я не спешу,
Сделался строже к себе и людям.
Не обижайтесь, коль прямо спрошу:
Будем дружить?
Или лучше не будем?

Может быть, возраст тому виной —
Я не верю в приятельство с первого взгляда.
Я дружбу испытывал горем, войной,
Холодом, жаждою...
тем, чем надо.

Я не желаю вам всех этих бед,
Возврата былой коридорной системы.
Квартира отдельная. Знатный обед.
И разговоры на модные темы.

Сидим за столом, смеемся, поем,
И, расстелив на коленях салфетку,
Думаю я о соседе своем:
А можно с тобою
в буран — в разведку?

* * *

Случилось так, что нету у меня
Той малой родины, щемящей сердце,
Где стынут три березы у плетня
И в острых стеклышках тропинка детства.
Есть, правда, старый коммунальный дом,
Я прихожу к нему, стою у входа.
Замбк закапан красным сургучом,
Оставшимся с тридцать седьмого года.
Не возвращусь ни к хате, ни к избе
И малой родины своей не знаю.
Мне кажется, она в моей судьбе
Была переходящею, как знамя.
Она была в бараках — их снесли,
Была в окопах — их с землей сровняли.
Теперь космические корабли
Ее уносят в неземные дали.
К планете приникаю головой.
Ее шестая часть дает мне силу.
Моя большая родина,
Я твой
Со всем, что есть, что будет и что было!

ТЕАТРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Подмостки, занавес, кулисы,
Любовь актера и актрисы...

Согласно терминам условным,
Им амплуа такое дали:
Зачислен в штат герой-любовник
И героиня молодая.

Еще не в драмах, не на сцене,
Еще студенческой порою
Пред ней он падал на колени
И был действительно героем.

Но после грязи и измены,
Но после дикого разгрома
Любовь осталась лишь для сцены
И только ненависть — для дома.

Процесс бракоразводный начат,
А на вращающемся круге
Целуются,
Клянутся,
Плачут
Неразведенные супруги.

В восторге зрители и автор:
Какое искреннее чувство!
А я молчу.
Я ставлю правду
Гораздо выше, чем искусство.

* * *

Герои юности моей,
Теперь смешны рекорды ваши.
Проходцы северных морей,
Строители плотин на Вахше,
Вы самый первый свой бетон
Босыми пятками месили
И в исступлении святом
Тащили из болот Россию.
Валерий Чкалов! Боже мой!
Шел до Канады трое суток!
Но продолжение той прямой
Теперь в космических маршрутах.

БЕРЕГИ СЕБЯ

Ты только скажешь:
— Береги себя,—
И сразу реактивные турбины
Начнут работать, бешено трубя,
И — под крылом березы и рябины.
По облакам — отчаянный карьер...

Слежу за раскалившейся форсункой,
Поззии советской дипкурьер
Без багажа —
С одной сердечной сумкой.

Да, я готов беречь себя. Но как?
Ты мне всегда иной пример являла,
Брсясь первой в кипятки атак,
В огонь и в спор —
На поиск идеала.
По тем рецептам я себя берег,
Мобилизован миром иль войною,
Всегда старался вырваться вперед —
Пускай снаряды рвутся за спиною.

Привычной стала самолетов дрожь
И пассажирам не передается.
Будь щедрой, жизнь!
Чем больше бережешь,
Тем почему-то меньше остается.
Живем благоразумью вопреки.
То слева по борту плывут, то справа
Твоей Сахары желтые пески,
Моей Исландии седая лава.

О чем была перед отлетом речь?
Да, да, о том, чтобы себя беречь.

ДРУГ ДЕТСТВА

Это ты? Ах, как я рад,
Повстречались наконец-то!
Добрый безразличный взгляд,
Лысый облик друга детства.
Наших видишь?
Никого.
Как живется?
Ничего.
Надо встретиться!
Угу!
Завтра!
Завтра не могу.
Ты женатый или нет?

Ну, тогда жене привет.
Уж теперь не обмани,
Непременно позвони.
Надо в шахматы сыграть,
Надо жизнь обдумать вместе,
Если встретимся опять
Лет примерно через двести.

ЛЮДМИЛЕ СЕДНЕВОЙ

Я ничего не знаю о своем отце. То
варищи писатели, расскажите о нем.

Людмила Седнева, колхозница.

(Из письма)

Я знал, я знаю Вашего отца,
Могу и должен Вам о нем поведать.
Не в силах я забыть его лица:
Его черты — в чертах самой Победы.

Услышав первый грозовой раскат,
Он из села Нероновские Вески
В Калязинский ушел военкомат,
Не дожидаясь фронтовой повестки.

Мы отступали. Лил кромешный дождь.
В грязи, в крови, мы долго отступали.
«Я так и не успел увидеть дочь,—
Сказал он мне однажды на привале.—
Вчера был бой, и завтра снова в бой,
Я должен заслонить ее собой».

Он ранен был — не помню, сколько раз,—
До срока убегал из лазарета
И снова шел, подбадривая нас,
Сквозь злой озноб промозглого рассвета.

Он был на Волге, дрался на Донце,
Стрелковых рот охрипший запевала,
О Вашем замечательном отце
Советское Информбюро писало,

Как Ваш отец непрошенных гостей
На запад гнал, отбросил за границу.
А дальше не было о нем вестей —
На то война. Ведь все могло случиться.

Но к нам сквозь фронт, сквозь орудийный залп
Еще в ту пору вести доносились,
Что средь героев итальянских Альп
Есть партизан по имени Василий.

Домой он не вернулся... То есть как?
Ужель погиб в последней перепалке?
Нет! С девочкой спасенной на руках
Он встал теперь в Берлине, в Трептов-парке.
И в Вене он стоит, солдат простой,
На пьедестале, в каске золотой.

Еще хочу Вас попросить в конце,
Хотя пронзает сердце боль сквозная,—
Людмила, на вопросы об отце
Не отвечайте никогда: не знаю.

Он был солдат. Гордитесь им по праву.
Своей судьбой его умножьте славу!

ПАМЯТИ ИОСИФА УТКИНА

Возвращался он из-за границы,
Плыл туман по осенней листве.
Это ж надо! Упасть и разбиться,
Подлетев к затемненной Москве.

Я приехал в проклятую полночь,
Чтоб его опознать. И была
Бесполезною «Скорая помощь»
Возле рваных обломков крыла.

В алом месиве летных аварий
Никого невозможно узнать.
Я сказал: это он, мой товарищ,
У него есть ослепшая мать.

Пусть она никогда не узнает,
Что так рано погиб ее сын.
За границей он где-то летает,
Он с друзьями, он там не один.

И сидел я, растерянный, с нею
В давнем сорок четвертом году.
Он на Кубе, я врал, он в Гвинее,
Лепетал я, скрывая беду.

Мать из жизни ушла, отгорела,
С чистой верой, что сын ее жив.
И поверил я сам в это дело,
О кровавых обломках забыв.

Я летаю по утренним странам,
У погибели выиграв спор,
И взаправду мне кажется странным,
Что не встретил его до сих пор.

СТАРЫЙ БАРАБАНЩИК

Юный барабанщик, юный барабанщик,
Он стучит, как сердце: тук-тук-тук
Поднимает флаги пионерский лагерь,
Юный барабанщик тут как тут.

Дальние дороги, близкие тревоги,
Заклубились тучи впереди,
Ты уже не мальчик, храбрый барабанщик,
Сверстников на подвиг выводи!

Били — не добили, жгли — да не спалили,
Почему так рано стал ты сед?
По далеким странам с верным барабаном
Мы прошли, оставив добрый след.

Времечко такое — не ищи покоя,
Взрослый барабанщик, взрослый век.
Поднимай, дружище, мир из пепелища,
Выручай планету, человек!

А вокруг кликуши, маленькие души,
И кричат и шепчут все они:
— Барабанщик старый, запасись гитарой.
Барабан не моден в наши дни.

С арфою и лютней тише и уютней!
Это нам известно с детских лет.
Но покамест рано жить без барабана,
Я его не брошу. Нет, нет, нет!

Младшим или старшим, дробью или маршем
Мы еще откроем красоту.
Старый барабанщик, старый барабанщик,
Старый барабанщик на посту.

АЗБУКА

Да, мы зовемся коммунистами,
Но шепчет циник кривогубый,
Что только азбучные истины
Одни нам дороги и любви.
Давно уж способами разными
Испытывают нашу веру.
Согласен! Азбука так азбука!
И приведу ее к примеру:
Атака.
Братство.
Вдохновенье.
Геройство.
Долг.
Единство.
Жажда.
Звезда.
Исканья.
Есть значение
В той азбуке для буквы каждой.
К — Коммунизм.
Л — Ленин, ленинцы,
М — это Мир.
Н — это нежность,

О — знак Огня и Откровенности.

П — это наша принадлежность

К великой Партии.

Р — Равенство.

Свобода.

Труд.

И Убежденность,

На Ф нам фантазеры нравятся,

Характер.

Цельность.

Честь ведет нас.

Есть Ширь,

И Щедрость,

И Энергия,

И Юность вечная в пути.

А буква Я?

Сто раз проверь ее,

Пред тем как вслух произнести.

Ее выпячивать негоже нам,

Как личное местоименье.

Лишь только

В Я,

На МЫ помноженном,

Находит силу современник.

В нелегких буднях и на праздники,

Служа грядущему, как чуду,

Такой придерживаюсь азбуки

И до конца ей верен буду.

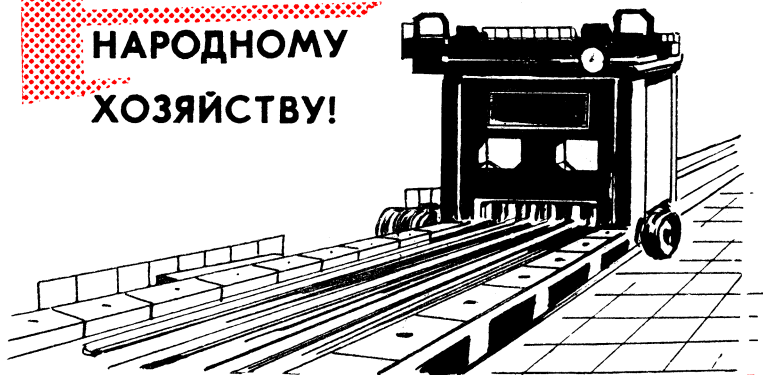
СОДЕРЖАНИЕ

Фламинго	3
Колючие	3
Октябрины	4
Любовь немолодых людей	5
«Всю жизнь я легкомысленным слыву...»	6
Трудный разговор	7
«Подозрения откинем...»	8
Опыт	9
«Жизни срок и велик и мал...»	10
«Нет минуты, когда б не стреляли...»	11
Коммунист уезжает на родину	11
Обрез	12
Тихое слово о партии	13
«О, только бы не стать мне себялюбом...»	14
Бороды	15
«Я не возьму тебя в кино...»	15
«Года пятно отмыли с дезертира...»	16
«Я слабости своей не выдам...»	16
Черные глаза	17
«Люблю я поздравлять счастливых...»	18
Несостоявшиеся похороны	19
«Известно мне до самой малой мелочи...»	20
Мои знакомые	20
Баллада о втором	21
«Твоя святая красота...»	21
«Наверно, это очень странно...»	22
«В суровой глубине любимых глаз...»	22
«С новыми друзьями я не спешу...»	23
«Случилось так, что нету у меня...»	24
Театральная история	24
«Герои юности моей...»	25
Береги себя	25
Друг детства	26
Людмиле Седневой	27
Памяти Иосифа Уткина	28
Старый барабанщик	29
Азбука	30

РАБОЧИЕ И РАБОТНИЦЫ!

Собирайте лом и металлоотходы —
основное сырье для выплавки стали!

БОЛЬШЕ ЛОМА
МЕТАЛЛУРГИИ—
БОЛЬШЕ ПРОКАТА
НАРОДНОМУ
ХОЗЯЙСТВУ!

Рославвтормет